

САТИРА И ЮМОР

Валерий ХОДЫРЕВ

АНЕКДОТ МОЕЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ЧЕМ ЧЕРТ НЕ ШУТИТ?

*Ирония – это страшный суд над страхом жизни.
Тояма Токанава, японский мудрец*

Как я стал отцом

Сложно в наши дни обзавестись семьей... Особенно, если одна семья у тебя уже есть. Но у меня это однажды почти получилось. Преподнесла мне судьба на блюдечке готовую жену и дочку, к рождению которой я никоим образом не был причастен. Как пытаюсь вспомнить – мороз по коже...

Выступаю я однажды на литературном празднике в Захламинской библиотеке. Стою себе мирно, бубню стихи о родине. Слушатели – в основном бабули и старички, на пенсии возжелавшие литературной славы. Сидят, сопят. Все тихо так, спокойно. Вдруг вижу – встает в заднем ряду женщина лет тридцати, - вся косоглазенькая такая, горбатенькая, - и подходит ко мне. Как только я кончаю читать и направляюсь к своему стулу, она берет меня под руку и шепчет: «Ты, как я вижу, мальчик хороший, я хочу твои стихи напечатать в своем журнале». Я не понимаю, почему она сразу обращается ко мне на «ты», не знаю, какой такой журнал издает, но из вежливости – а отчасти и из любопытства - пытаюсь разузнать, как этот журнал называется: лишняя публикация не помешает.

Оказывается, эта женщина, Таня Шугаева, детский поэт, сотрудничает с некоторым издательством, бесплатно печатающим лучших своих авторов, правда, не в журнале, а в коллективном сборнике «Золотая деревня». Я спрашиваю: «Что это за сборник? Можно ли его посмотреть?» «Можно, только он у меня дома. Поехали ко мне». И, значит, берет она меня под ручку и медленно-медленно уводит из библиотеки на автобусную остановку. Я иду послушно, не сопротивляясь. Едем мы с пересадками из одного конца города в другой около часа, и все это время поэтесса тараторит не умолкая: «Знаешь, я тут вчера «Парад звезд» смотрела, так это такое бескультурье, просто ужас, вот я и думаю, значит, что такие люди, как я и ты, духовные, должны вместе держаться, помогать друг другу, значит». Из разговоров узнаю, что она не замужем и детей не имеет, но есть у нее маленькая сестренка, для которой она пишет стихи. Хорошо, думаю. Порядочная женщина.

Когда я вошел домой к этой якобы бездетной литературной даме, навстречу с криком: «Мама!» - выбежала девочка лет шести. Тут и выяснилось, что та, кого Таня называла сестренкой, – это фактически ее дочка Маша. Не по годам развитая девочка. «Это Паша, тот, о ком ты мне рассказывала?» – спрашивает она маму, глядя на меня. «Нет, это Валера», – отвечает мама. «Валера лучше Паши», – безапелляционно замечает ребенок.

При входе в квартиру я по неловкости до крови расшибаю палец дверью. Девочка тотчас же с восторженным воплем: «Кровь? Где кровь?» – приникает к моей руке на расстояние сантиметра – двух и начинает внимательно изучать мой разбитый ноготь. «Класс!» – шепчет она.

Мама-одиночка тем временем начинает тащить меня и прилипшего ко мне ребенка в детскую комнату. Там каким-то странным образом соседствуют ящик с игрушками и огромный книжный шкаф, где детская поэтесса хранит свои публикации. Но не успела стихослагательница продемонстрировать мне свои достижения, как Маша забралась с ногами на диван и крикнула мне: «Валер, а давай играть в медвежонка Барни!» «Давай», - сдуру согласился я. Как я потом жалел об этом... Девочка залезла на спинку дивана и оттуда прыгнула мне на плечи. В таскании ее на плечах, по-видимому, и заключалась игра в медвежонка. Но это было еще не все. В завершение игры я должен был встать на голову... Второго такого падения я не припомню. Слава Богу, что синяки продержались на моем теле недолго. Но Маша была в восторге!

Машина мама тем временем мирно отдыхала, предоставив меня в безраздельное распоряжение ребенка. Выпуски Таниного журнала, о публикации в котором я еще мечтал, стояли в шкафу, покрытые многолетней пылью.

Когда наконец всем стало очевидно, что я окончательно выбился из сил и что новый детский аттракцион под названием «Валерий Ходырев» скоро выйдет из работоспособного состояния, я начал откланиваться. Девочка заявила мне:

– Валер, приходи к нам завтра и приноси альбом с картинками.

– Не могу, – возразил я, – я живу далеко, мне до вас целый час ехать.

– А ты заночуй у нас, – безапелляционно предложил шестилетний ребенок. – И вообще, с нами живи!

– В каком таком качестве? – глупо улыбаясь, спросил я.

– В хорошем, – ответила девочка.

Тут я понял, что ситуация сложилась опасная. Еще немного – и я с моим бесхребетным характером вопреки моей воле окажусь главой семьи, о которой я до сегодняшнего утра ничего не знал. Что делать?

Я начал лихорадочно перебирать в памяти свои четыреста сравнительно законных способов отпугнуть от себя женщину. Какой лучше? Размышлять не было времени, и я выбрал самый проверенный.

Я достал из своей сумки секретное оружие – папку с наградами и дипломами, которые я получал, начиная с детского сада и кончая прошлой неделей, – и начал демонстрировать Танечке и Машеньке доказательства своей важности. Сначала моя новая семья смотрела на меня с некоторым удивлением, потом – с недоумением, а на пятьдесят четвертой почетной грамоте мама-одиночка начала щебетать что-то о том, что у нее есть неотложные дела и она не может больше со мной разговаривать. Я и сам не заметил, как оказался на лестничной площадке, откуда мне предстояло долго добираться до дома с пересадками.

Зря надо мной смеялись на работе, что я постоянно таскаю с собой свои награды, – есть от них польза, и даже очень ощутимая! Если бы не они, я, возможно, сейчас не писал бы эти строки, а носился по магазинам за подарками для Маши.

Тем не менее в гостеприимный дом Шугаевых я с тех пор заглядывал не раз и не раз играл с Машей в медвежонка. Все-таки от живой жены и дочери в наши дни не отказываются... если других вариантов нет. Но с папкой с грамотами я на всякий случай не расстаюсь. Чем черт не шутит, как говорится...

Конференция и топор

К своему дню рождения решил я сделать себе подарок: организовать международную научную конференцию по своему творчеству. Благо, что поэт я широко известный в узких кругах и у меня есть много друзей, готовых за небольшое вознаграждение написать обо мне статью. Сообщил я им, что можно выступить перед публикой, показать, какие они умные, и получить диплом участника конференции, – и добрая дюжина друзей (от шестнадцатилетней школьницы до доктора наук) села за столы, наострила перья и начала писать очерки о моей неустанной деятельности на благо

русской культуры. Один писал о моих стихах, другой – о прозе, третий – о драматургии, остальные – о чем попало: о моих усах, ногтях и манере есть мороженое. О месте проведения конференции я похлопотал: библиотека, в которой мне некогда приходилось работать, предоставила нам помещение читального зала.

Как прошли «Первые Ходыревские чтения», рассказывать не буду – самому вспоминать тошно. Достаточно сказать, что аудитории не было совсем – студенты, обещавшие меня послушать, единогласно предпочли «Чтениям» посещение ближайшего кафе.

Ораторы читали свои доклады перед пустым залом, время от времени погружаясь в сон во время собственных выступлений. Рассказывать об этом бессмысленно, тем более что после конференции произошло ТАКОЕ, что скука первой половины того достопамятного дня просто обесценилась перед потрясениями вечера.

После конференции, раздав выступавшим дипломы с печатью библиотеки, я направился в свою холостяцкую квартиру с намерением провести вечер в полном одиночестве. Но не тут-то было: один из выступавших, поэт Серега Елкин, позвонил мне через два часа после моего возвращения домой и попросил разрешить ему заночевать у меня, так как заявляться к своим родным он боится. Дело в том, что накануне конференции он узнал, что женщина, которую он любил в юности и которая вышла замуж за другого, теперь разводится, и на радостях принял пол-литра коньяка. Родители за эту неумеренность в выпивке подвергли бы его жестокой пилке. «А если ты меня к себе непустишь, я заночую на улице, в снегу», – заявил Серега, тем самым отрезая любую возможность отказа с моей стороны.

Мне искренне не хотелось проводить остаток суток в компании подвыпившего поэта, но я с детства не умел говорить людям «НЕТ» – и согласился. Спустя двадцать минут шумный Елкин уже стряхивал снег со своей шапки, стоя в дверях моей квартиры.

Надо было как-то поужинать, а еды в квартире было явно недостаточно для двоих. Я дал Сереге денег и отправил его за пельменями. Через двадцать минут он вернулся еще с одной бутылкой коньяка. «Понимаешь, Валера, это рериховский напиток, – заявил он, шевеля длинным носом. – Это мой духоподъемный коньяк». Я был бессилен остановить поэта...

За последующие несколько часов мой друг благополучно высосал еще бутылку своего духоподъемного напитка, сдобрив ее литром энергетика, но в нирвану не погрузился. Наоборот, он начал шуметь и сопеть что-то непонятное, но явно очень обидное в адрес своих литературных недоброжелателей.

В этот миг раздался роковой для нас телефонный звонок. Мама, жившая с моим отцом на другом конце города, сообщила, что папенька мой сейчас направляется ко мне, чтобы забрать непонятно зачем понадобившийся ему старинный дедовский топор, хранившийся у меня в чулане. Я знал, что, если отец выпьет, ему может прийти в голову и не такое. Находиться в квартире между двух огней – двоих нетрезвых мужчин, один из коих вооружен топором, – мне не хотелось. Я попытался объяснить это Сергею, но, услышав, что мой родич едет сюда пьяный за топором, он почему-то подумал, что топор этот предназначен ему и что им с папенькой моим предстоит драться. «Да я этот топор ему в задницу всажу!» – заорал Елкин, лихорадочно одеваясь и пытаясь открыть дверь без ключа. Я попытался успокоить его, но друг мой возбуждался все более и в конце концов, не собравшись как следует, в незастегнутом пальто умчался в ночь.

Практически сразу после этого мама позвонила мне снова, чтобы донести до меня новую информацию: отец никуда не едет, он ночует у бабушки и не появится у меня раньше утра следующего дня. В это время из подъезда доносился шум: это Серега ломился к моим соседям, пытаясь потребовать у них политическое убежище и спасение от топора. На полу у дверей квартиры стояла наполовину полная бутылка с энергетиком, впопыхах оставленная Сергеем. Надо было что-то предпринимать. Я позвонил Серегиной маме и попытался кратко обрисовать ей сложившуюся ситуацию. «Да, такое бывает, –

констатировала она. – Я сейчас отправлю к вам Сережиного брата, он отвезет сыночку домой».

Осталось разобраться с соседями. Слава Богу, они проявили понимание и сами отвели совсем уже неадекватного Сергея ко мне. Не знаю, как, но он успел найти где-то еще одну бутылку коньяка, которую мне пришлось у него изъять. Он уже не сопротивлялся, а тихо позволил мне отвести его на кровать и сразу уснул. Спустя полчаса к нам приехал на такси Серегин брат, благополучно забравший пьяного поэта, чтобы отвезти его напрямиком в психиатрическую больницу.

Из всех событий этого безумного дня я сделал один вывод: поэт – существо хрупкое, легко ранимое, и его надо беречь и по возможности не допускать к острым и режущим предметам. Правду сказал в свое время Рубцов:

Поэт нисколько не опасен.

Пока его не разозлят.